Наконец настала очередь Гарри. Несколько мгновений он колебался у входа на арену, словно боясь шагнуть в пасть неизвестности. Но судьба уже позвала, и он решительно вошел, впитывая атмосферу предстоящего испытания. Седрик, его предшественник, уже завершил свой подвиг. Гарри с облегчением услышал, что тот отделался лишь легкими ожогами. Он невольно поглядел на других чемпионов, но его взор был прикован к собственной цели, к плану, который он вынашивал в тишине. Внезапно он услышал голос мадам Помфри, строго обращающейся к Седрику. Гарри проигнорировал её, сосредоточившись на собственной задаче. Он выскользнул из медицинской палатки, чтобы взглянуть на арену, и его взгляд встретился с Седриком. Улыбка, легкая и мимолетная, пробежала по его лицу, а подмигивание было словно молчаливым обещанием: "Я справлюсь". Гарри скрылся за камнем, чтобы пополнить запасы магии. Он знал, что это заклинание станет его козырем в этой игре. Чувствуя, как его сила возвращается, он вышел на открытое пространство, лицом к лицу с драконом. Огромный Рогатый Хвост взревел, пламя взметнулось ввысь, и Гарри оказался в его смертельной хватке. В этот момент, когда казалось, что судьба уже решила, он поймал взгляд своей девушки. Улыбка, полная уверенности, расцвела на его лице. Палочка взметнулась, и, не произнеся ни слова, он метнул заклинание, заморозившее дыхание дракона. — Невозможно! — прозвучал голос диктора. — Заклинание замораживания пламени достаточно мощное, чтобы остановить драконье дыхание! И к тому же, оно бесшумно! Просто потрясающе! На арене воцарилась тишина, прерванная лишь удивленными вздохами. Гарри сделал то, что казалось невозможным. Дракон, застывший на месте, с любопытством наблюдал за ним. В этот момент раздался шипящий звук, и из гнезда дракона вышла величественная самка. — О великая госпожа, — обратился к ней Гарри, — я не желаю вам зла. Я лишь помешал вам сжечь меня, и не нападаю на вас. — Да, оратор, — прошипела драконица, — я вижу это, но не меняет того факта, что ты стоишь здесь с палочкой, и мои дети рядом с тобой. Может, ты и оратор, но все двуногие опасны для моего рода, поэтому нас так мало. — Великая леди, — Гарри поднял руку, — я даю вам слово оратора, владеющего своей магией, что никогда не причиню вреда ни вам, ни вашим детям. Видите ли, нас обоих здесь разыграли. Они утащили вас и ваших детей из вашего дома, и, хотя вы прекрасный человек, я уверен, что все это напугало вас. Я знаю, что меня это напугало. На самом деле, мне пришлось приехать сюда сегодня, чтобы встретиться с вами лицом к лицу. Мы не такие уж разные. — Я верю вам на слово, — ответила драконица, — и спрашиваю, чего вы от меня хотите? — Дорогая леди, — сказал Гарри, — мне нужно только то, чего у вас все равно не будет. В вашем гнезде есть яйцо, которое не ваше, и даже не яйцо вовсе. Не будете ли вы так любезны отдать его мне? — Я могу это сделать, — прошипела драконица, — но что ты мне дашь? Я знаю, что вы уже пообещали оставить мою девочку невредимой, но я все равно не вижу в вас реальной угрозы, потому что мы могли бы стоять здесь и бороться за все это. Я уверена, что вы устанете гораздо раньше, чем я. — Великая Леди, в этом я не сомневаюсь. Моя жалкая сила — ничто по сравнению с такой, как вы. Я предлагаю свою дружбу, но мне нужно знать, чего вы хотите, прежде чем мы сможем прийти к соглашению. — Оратор, — сказала драконица, — для меня будет честью называть тебя другом, и я выполню твою просьбу, если ты сделаешь для меня только одну вещь. — Я выполню просьбу. — Накорми меня, — прошипела драконица, — эти двуногие не кормили нас уже несколько дней. Мне потребовались все мои силы, чтобы не съесть тебя. Я так голоден, и остальные тоже. — Пожалуйста, примите мои извинения от имени остальных представителей моего вида. Я немедленно приму меры. Пожалуйста, не пугайтесь, когда я подниму свою палочку, и я постараюсь исправить эту вопиющую несправедливость. Будет ли акромантул достойным блюдом для столь великой леди? — Это было бы приемлемо для Оратора. Все с открытыми ртами наблюдали, как дракон подошел к гнезду и обнюхал яйца. Распознав нужное, она взяла его в рот и протянула Гарри, высунив вилообразный язык. Он глубоко поклонился ей, взяв яйцо в руки. Сделав шаг назад, он поднял палочку в сторону Запретного леса. — Старший сын Акции Арагога. Он почувствовал притяжение магии и погрузился глубже, чтобы завершить заклинание. Через несколько мгновений в воздухе пронесся паук размером с

лошадь и приземлился у ног дракона. Дракон двигалась быстро, как молния, и укусил пищашего паука. Один укус — и от паука ничего не осталось. Удовлетворенно нахмурившись, дракон произнес: — Спасибо, Оратор. — Не за что, миледи. Скажи, ты понимаешь, что я говорю на своем языке?— Я понимаю кое-что из него. Гарри кивнул и снова повернулся к судьям. Он наложил на себя заклинание соноруса и начал обращаться к толпе. — Я хотел бы знать, кому пришла в голову хорошая идея не кормить этих благородных созданий несколько дней перед этим заданием? Эта Великая Леди говорила за моей спиной, что ей потребовалась вся ее сила воли, чтобы не съесть меня, так как ее инстинкты питания брали верх. Дамблдор встал и ответил: — Мы подумали, что так драконы будут казаться свирепее и станут лучшим испытанием. Вы хотите, чтобы мы поверили, что вы разговаривали с этим зверем?— Она не зверь. Она — благородное существо, которое думает и чувствует так же, как и мы. Думаю, вы, как никто другой, признаете этот факт. Пожалуйста, попросите хранителей немедленно накормить их, пока не случилось что-нибудь ужасное. Гарри отменил заклинание и, отвесив быстрый поклон дракону, который вернул его на глазах у зрителей, вышел с арены и направился к медицинской палатке. Когда он подошел, Седрик сказал: — Отличное шоу, что вы планируете на бис? — Кто знает. Может, в следующий раз я смогу дать волю своему внутреннему Пуффендую. Седрик рассмеялся и вернулся в палатку, чтобы дожидаться предстоящего шоу. Весь последний месяц троица обсуждала, что произойдет, когда будет выполнено первое задание. Девушка Гарри наблюдала за Роном и Гермионой и видела, как меркнет их звезда без Гарри. Первоначальное волнение улеглось, и они начали снова становиться безвестными из-за своего отношения к Гарри, когда другие осознали свои ошибки. Поскольку Рон был главным зачинщиком, а Гермиона всегда была рядом с ним, его отношение к остальным заставило всех остальных отдалиться от них, и вскоре они поняли, что Гарри — единственный, кто поддерживает их в хороших отношениях с остальной школой. Она совершенно точно предсказала, что после первого же задания они приползут обратно и будут просить прощения. Гарри не нужно было быть гением, чтобы понять, что если он примет их обратно, то отношения между ними изменятся. Мадам Помфри едва успела приступить к осмотру протестующего Гарри, как в палатку, подобно шторму, ворвались Рон и Гермиона. "Девушка" Гарри, сидевшая рядом с выздоравливающим Седриком, наблюдала за всем краем глаза, неотрывно. Нервы ее были натянуты до предела: если Гарри заберет их обратно, она знала, что их отношения обречены на провал. Чувствуя ее тревогу, Седрик протянул руку и сжал ее ладонь в утешительном жесте. — Немного веры, — прошептал он. — Все будет хорошо.— Он мне очень нравится, Сед, — прошептала она в ответ. — Я хочу получить шанс увидеть, может ли это быть чем-то большим.— Просто доверься ему, и у тебя будет такой шанс, — ответил Седрик. Она слышала, как Рон и Гермиона говорят банальности, и от этого у нее заурчало в животе.— Гарри, нам так жаль, — лепетал Рон. — Мы должны были знать лучше и никогда не сомневаться в тебе. Пожалуйста, прости нас.— Да, приятель, это было потрясающе! — добавил Гермиона. — Может, вернемся к тому, что было?— Наконец-то догадался, да? — процедил Гарри, глядя на них. — Я приму твои извинения, но не забуду того, что ты сделал.— Что ты имеешь в виду? — спросила Гермиона, сбита с толку.— О чем ты говоришь, Гарри? — переспросил Рон.— Извинения не заменят того дерьма, с которым мне пришлось столкнуться за последний месяц, особенно со стороны двух моих лучших друзей, — продолжал Гарри, голос его был холоден. — Я всегда был рядом с вами, когда вы нуждались во мне, но как только вы мне понадобились, вы оба стали трусами и провели меня или, что еще лучше, обвинили меня в том, кем я не являюсь. Меня удивляет, как два моих лучших друга так легко забыли об этом. Знаешь, последние несколько недель у меня в голове крутится одно сожаление, и знаешь, что это было?